

Посвящается Джен, Ив и Чарли

Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома...

Эмили Дикинсон

Глава 1

Февраль 2011 года

До тех пор пока человек сам не окажется на скамье подсудимых, ему не осознать, как он на самом деле одинок и беспомощен. Стараясь не выдать свои чувства, я смотрю вниз, подобно тому, как окидывает взглядом открывшуюся ему картину альпинист, или зрители галерки смотрят на сцену. Внизу вижу адвокатов и их помощников, прокуроров, присяжных на отдельных скамьях, публику в зале и, разумеется, судью. Все так поглощены чем-то, так уверены в себе — все знают, что они будут делать сегодня вечером, на следующей неделе, через год. В то время как я сижу в обществе полицейских, не в силах представить свое будущее дальше чем на несколько дней, не в силах ничего сделать для своего спасения.

Только в самом начале меня о чем-то спросили, когда секретарь зачитал обвинения — четыре убийства, одно покушение на убийство и нанесение тяжких телесных повреждений. На каждое обвинение я ответил: «Не виновен», но голос мой прозвучал слабо. Мой собственный голос подвел меня. С тех пор на протяжении вот уже двух с половиной последних недель я молчал. Семнадцать мучительных дней и бессонных ночей.

Но наконец приходит мое время. Я встаю и покидаю скамью подсудимых, направляясь к кафедре для свидетелей, стараясь придать себе спокойный вид. Как будто я полностью уверен. Как будто в глубине души не жалею о том, что мой адвокат Стоун не настоял на своем, убедив ничего не говорить. Прокурор сидит, обложившись своими папками, полуприкрыв глаза, и ждет какого-нибудь сбивчивого моего ответа, который можно будет использовать против меня. Я прекрасно сознаю риски. Достаточно одной оговорки или неправильно понятого слова. И тут, к моему изумлению, когда я поднимаюсь на кафедру для свидетелей, открывается дверь на балкон для публики и моя жена появляется в зале суда впервые с начала процесса. Одета в строгий темный костюм, она находит последнее свободное место в заднем ряду и садится. Я пытаюсь улыбнуться ей, показать, какие силы придало мне ее присутствие здесь, но она избегает встречаться со мной взглядом.

Воздух сухой и гнетущий — мне не нравятся эти современные залы суда без окон, полностью отрезанные от окружающего мира, — и сейчас здесь так тихо, как на моей памяти еще не было за последние две недели. У меня такое чувство, будто я попал в западню.

Оглядываюсь на присяжных. Для того чтобы признать меня невиновным, лишь требуется заронить им сомнение. В течение двух недель я наблюдал за ними, стараясь определить, есть ли у кого-либо из них хоть какие-нибудь сомнения. Молодая женщина в розовато-лиловом платке и пожилой мужчина на протяжении всех заседаний оставались бесстрастными, в то время как чернокожая женщина средних лет у них за спиной, сменяющая одну за другой желтые футболки, внимает про-

исходящему, разинув рот. Хорошо это или плохо, если один из присяжных потрясен? На кого мне можно надеяться — на рыжеволосую женщину, старательно делающую заметки, или на внимательного молодого индийца справа от нее, то и дело покачивающего головой?

Стоун отпивает воды из стакана и, оттолкнувшись от стола, медленно поднимается на ноги. Это выпускник частной школы, с взъерошенными волосами и лондонским акцентом, говорящий по-английски так, словно он выучил язык по слегка устаревшему словарю штампов; его любимые выражения — «недалеко от истины», «поддадим газу» и «если хорошенько поднапрячься». На предварительных заседаниях он демонстрировал профессиональную расслабленность, однако по ходу судебного процесса его небрежное спокойствие улетучилось, и это меня пугает.

Вчера вечером, в убогой комнате для встреч на первом этаже, залитой ярким светом, мы со Стоуном в очередной раз крупно повздорили относительно того, выступать ли мне в суде. Я заявил, что должен сказать свое слово. Стоун считал, что лучше мне этого не делать. Что я только все испорчу — покажу себя слишком холодным и бесчувственным. Я знаю, что порой меня считают холодным профессионалом. Я могу производить на окружающих впечатление человека бесстрастного, даже замкнутого, но таковы требования моего ремесла. Внутри я не такой. Я могу быть эмоциональным, как и все, и в любом случае у меня есть опыт дачи показаний в суде. Но, возразил Стоун, не в качестве обвиняемого.

Представитель полицейского профсоюза согласился с ним, но я настоял на своем, заявив, что выгоню их вон, если захочу, и сам буду представлять свои интере-

сы. Затем, когда мы уже были готовы вернуться в зал суда, Стоун неожиданно пошел на попятную. Сказал, что я могу дать показания, даже несмотря на то что он по-прежнему считает это ошибкой.

И вот сейчас, когда я стою на кафедре, Стоун сверяется со своими записями, поворачивается вполоборота ко мне, вполоборота к присяжным и произносит ровным тоном:

— Детектив-инспектор Блэкли, расскажите нам, что вы поняли первым делом вечером в субботу тринадцатого февраля две тысячи десятого года.

— Я понял, что идет снег.

Каждое мое слово тщательно подобрано. Я снова и снова прокручивал их в голове, пытаясь найти подводные камни, опасные ссылки, намеки, которые могут быть превратно истолкованы присяжными. Стараясь сохранить внешнее спокойствие, я жду следующего вопроса.

— Идет снег? — Стоун вопросительно поднимает брови, хотя, разумеется, он уже наперед знает ответ. — И почему это имело для вас такое значение?

— Потому что я думал, что на дворе лето. Я полагал, что это воскресенье, десятое августа две тысячи восьмого года.

Не кажется ли все это слишком медленным, слишком продуманным? Мысленно беру на заметку показать присяжным то, что я способен на сильные чувства, несмотря на все то, что они здесь слышали.

Стоун отрывается от своих записей. Я чувствую его нерешительность. Он снова смотрит на меня.

— А почему вы так думали?

И мы оба понимаем, что теперь обратной дороги нет.

Глава 2

Годом раньше

Суббота, 13 февраля 2010 года, 21.00

Что-то жутко не так. Идет снег, но на дворе август. Я поднимаю взгляд на кружащиеся в свете фонаря белые хлопья, и в этот момент мне прямо в ухо сигналил клаксон. Я раздраженно оборачиваюсь и вдруг вижу, что стою посреди улицы, плавно покачивающейся у меня под ногами. Но я не пьян, я в этом уверен. Водитель кричит что-то, я не разбираю его слова; он громко ругается и, рванув с места, уезжает прочь.

Что я здесь делаю? Ночь темная и ужасно холодная — не помню, чтобы летом было так холодно, — и, хлопая руками, чтобы хоть как-то согреться, я двигаюсь дальше туда, куда шел. Но куда я шел? С одной стороны тянутся тускло освещенные муниципальные дома. Вдалеке стоит погруженная в темноту церковь, устремив в небо свой черный шпиль. Я ее не помню. В другой стороне — неосвещенный автомобильный салон, за стеклом смутно видны призраки непроданных машин. С нарастающим ужасом я чувствую, что и его вижу впервые.

Двое прохожих, увидев происходящее, подходят ко мне. Один из них берет меня за руку и помогает подняться на тротуар.

— У тебя всё в порядке, приятель? — спрашивает он.

Я смущенно бормочу, что они напрасно беспокоятся. Второй мужчина всматривается мне в лицо.

— Принял лишнюю рюмку? Не хочешь сесть? В ногах правды нет.

— Нет-нет, всё в порядке, — говорю я.

Затем с ужасом замечаю, что он засовывает руку в карман моей флиски. Я бью его по руке, но он снова пытается вытащить мой бумажник. Я отталкиваю его, и он со смехом отходит прочь, бросая за спину:

— Алкаш несчастный!

— Я не пьян, — говорю я и пытаюсь схватить второго, но тот также отступает назад, размахивая руками, словно ничего не произошло.

Я пробую их догнать — но у меня болит нога, а эти двое здорово меня опередили и вскоре скрываются в переулке.

Остановившись, я учащенно дышу, прислонившись к стене, и пытаюсь сориентироваться. Я чувствую себя глупо и совершенно сбит с толку. Снег ложится на мостовую белой пеленой. У меня болит шея; я растираю ее и смотрю на снежные хлопья, плавно опускающиеся на землю, друг на друга. Затем отнимаю руку.

Она мокрая от крови.

Глава 3

Я стараюсь не поддаться панике, дышать ровно. Что со мной происходит? Меня сбила машина? Я с кем-то подрался? Всмотревшись в свое отражение в лужице на асфальте, я вижу, что кровь течет из шеи слева и со лба, но, насколько можно судить, раны несерьезные.

Превозмогая боль, я с трудом опускаюсь на тротуар. Где-то в соседнем муниципальном доме смеется женщина, пугающий летний снегопад продолжается, снежинки скользят в свете фонаря. Я смотрю, как

кружащиеся белые точки опускаются мне на флиску и, блеснув, умирают. Флиски на мне качественная — «Патагония», темно-синяя, с отделкой, хотя и здорово поношенная, — но она явно не моя. Это не мой стиль. Как и дорогие модные джинсы и кроссовки «Тимберленд». Где моя обычная одежда — спортивный костюм «Марк энд Спенсер» и куртка?

Вытянув ноги на ледяной земле, я вытираю руку о мокрый асфальт. Как могу, оттираю кровь, благодаря Богу за то, что никто не видит, как я сижу здесь словно нищий. Обыкновенно я практически в любых ситуациях сохраняю спокойствие и считаю, что нужно действовать по правилам, выбирать, каким путем двигаться дальше. Какая бы ни была проблема, путь непременно есть. Поэтому я стараюсь взять себя в руки, методично обыскивая карманы чужой флиски. Сначала нахожу дорогой незнакомый бумажник. Затем достаю сигнализацию от «Ауди» и связку ключей, которые вижу в первый раз, а также дорожный смартфон «Блэкберри», также не мой. Теперь мне уже страшно. Я все это украл? В другом кармане нахожу еще один дорогой сотовый телефон. К моему удивлению, оба телефона отключены.

Пальцы у меня начинают неметь от холода, но мне удается открыть бумажник, и внутри я, к своему облегчению, нахожу свое собственное удостоверение и водительские права. Хотя меня здорово удивляет вид большой пачки денег — обыкновенно я считаю за счастье, если у меня в кармане завалялась пара двадцаток. Положив бумажник и ключи на асфальт рядом с собой, включаю телефоны. Экран «Блэкберри» тотчас же заполняется: мои рабочие телефоны, и еще сотня сообщений из участка с вопросом, куда я пропал.

Переключаю внимание на второй телефон и просматриваю список контактов. Здесь также есть мои номера, в том числе личные, но затем я замечаю: на этом телефоне все сообщения удалены. В списке входящих вызовов всего два звонка, оба сегодня вечером, оба с одного номера. Я ищу этот номер в списке контактов, но его там нет. Как и на рабочем телефоне. Звоню по нему, но автоматический голос Сети отвечает, что абонент временно недоступен, а голосовой почты у него нет.

Ветер кружит, швыряя мне в лицо снежинки. Я хочу есть. У меня затекло тело. Мне нужно двигаться, но сидеть на земле не так страшно. Смотрю на часы — половина десятого. Мне нужно идти домой? Или в больницу? Но я не при смерти. Я просто забыл кое-что. Но многое помню: как меня зовут, где я работаю. Помню Лору. Как было бы хорошо вернуться домой к ней — в свою теплую постель, к своей теплой жене...

Но когда я силюсь вспомнить, что делаю здесь, у меня ничего не получается. Это какой-то экзамен, который я не могу сдать. Я не понимаю, что происходит, и это все больше меня пугает.

Но всему есть предел. Быть может, если я заставлю себя пошевелиться, это что-нибудь подтолкнет. Поэтому я распахиваю все обратно по карманам флиски и поднимаюсь на ноги. Предпринимаю еще одну попытку вспомнить, вернуться к тому моменту, когда обнаружил, что стою посреди улицы. Куда я направлялся? Откуда пришел? В качестве эксперимента я направляюсь в сторону погруженной в темноту церкви. Но всего через десять шагов отчаиваюсь. Это что-то не то. Я разворачиваюсь к закрытому автосалону. И это тоже не то.

Все бесполезно. В отчаянии я схожу с тротуара на мостовую, чтобы лучше оглядеться.

Как раз в этот момент за падающим снегом появляется синяя мигалка, приближающаяся ко мне. Я колеблюсь, не зная, как к этому отнестись. Патрульная машина останавливается, и полицейский сержант пристально смотрит на меня. Он чернокожий, средних лет, с округлым лицом.

— Сэр, — говорит сержант, — мы вас повсюду разыскиваем.

Глава 4

Это тот самый кошмар, который мучил меня в раннем детстве. Тень за дверью. Я не помню, что делаю здесь сейчас, но помню тот кошмар, хотя мне хотелось бы его забыть. Если выразить все словами, получится какая-то ерунда. Ночь за ночью я лежал без сна, не отрывая взгляда от двери, боясь заснуть. Если я засну, придет кошмар. Безликая тень, скорее звериная, нежели человеческая. Она стояла в темноте за дверью спальни, готовая наброситься на меня и вцепиться мне в лицо. Я просыпался в панике, не в силах отдышаться. Даже сейчас это воспоминание причиняет мне боль. Наверное, кошмар являлся мне несчетное число раз, и всякий раз мать прибежала ко мне в комнату. Это пока она еще была здоровой.

Миниатюрная женщина, мать была очень деятельной, словно именно она была виновата во всем плохом, что происходило со мной, даже в моих снах. Мать включала ночник и обнимала меня, а я лежал в кровати, всхлипывая, не в силах говорить, не в силах объяс-